

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.2
К79

Редактор ТАТЬЯНА ТИМАКОВА

Кремчуков Е.

К79 Фаюм / Евгений Кремчуков. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 254 с.

ISBN 978-5-00223-252-9

Илья Орлов раньше зарабатывал на жизнь ремеслом аниматора на площадях Петербурга, а теперь он продает бессмертие: сочиняет под заказ фаюмы — короткие новеллы по мотивам биографии заказчика. Но однажды апрельской ночью случается неправдоподобное происшествие, искажающее судьбу самого Ильи. И теперь нам с ним предстоит узнать, насколько далеко может завести автора персонаж — в поисках ключа к своей тайне, в поисках пропавшей возлюбленной, или справедливости, или, наконец, «настоящей версии себя». Вместе нам предстоит испытать, освидетельствовать бессмертие: иллюзия ли это, искушающий воображение мираж, или же подлинное чудо?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.2

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-252-9

© Е. Кремчуков, 2024
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

Часть первая

Настоящее ШРИХ

5. И удвоенные одного и того же равны между собой.
6. И половины одного и того же равны между собой.
7. И совмещающиеся друг с другом равны между собой.
8. И целое больше части.

Евклид.

Начала. Книга I. Аксиомы, 5–8

4

Пока молодой таксист, бодро поругиваясь, продирался через пробки из Пулкова к центру, Маруся безуспешно пыталась придумать хоть сколько-нибудь правдоподобное объяснение произошедшему сегодня. Она листала переписку за неделю разлуки. И не находила ничего особенного. Ни в одном сообщении не видела она даже крохотного ключа к пониманию. Надежда оставалась лишь на ту связку, что лежала во внутреннем кармане рюкзака.

Илья дал их в первое общее утро, когда она надевала туфли в прихожей. «Не забудь, пожалуйста, ключи», — сказал он буднично, жестом указав на тумбу трельяжа. Там лежало простое голое колечко с «таблеткой» от домофона и английским ключом от входной двери. (Уже потом Маруся сама купила к ним брелок в виде крохотной маски Вольто.)

Воспоминания мелькали в голове быстрее, чем проспект за окошком такси, где ранняя весна была похожа на позднюю осень.

Ближе к Лиговке пробка на дороге неожиданно стала пожиже.

— Сейчас перекресток проскочим, там пошутее пойдём, — бросив короткий взгляд в навигатор, сообщил таксист то ли пассажирке, то ли сам себе.

— Не спешите, пожалуйста. — Маруся вернулась мыслями в салон.

И добавила, прохладно усмехнувшись:

— Меня ждут дома.

2

Посреди ночи вдруг стало вполтину меньше воздуха. Из илистой глубины чужого, невиданного им прежде сна Илья раз-другой безуспешно попытался ухватить неловким рыбьим ртом, и горлом, и грудью вдох порцией побольше, а потом распахнул глаза в темноту. Поначалу привиделось, что он провалился, а комната выросла вдвое, будто чья-то чудовищная рука резко вытянула потолок, как поршень, на два с половиной метра вверх. Однако затем едва различимая в сумраке люстра медленно и невесомо приблизилась, пространство цвета черного янтаря

обнаружило привычные размеры и улеглось в себе ровно. Сам же он, похоже, последние часы лежал как раз таки очень неудачно. Теперь вся левая половина тела затекла, а шея оказалась вывернутой куда-то вправо и вниз да эдак вот и застывшей. Илья осторожно приподнялся, посидел, растирая онемевшие, чужеродные руку и ногу. Они казались приставленными к нему случайными и не очень понятно зачем нужными кусками. Илья встал, оперевшись на изножье кровати, и по стеночке поковылял в уборную. Вчера там перегорела лампочка, заменить ее сразу он поленился, отложив возню до утра, — и сейчас ему все приходилось делать ошупью.

Илья и его последний сон еще не до конца покинули друг друга. Сон был чужим и потому особенно неприятным. В привычной ночной тишине давно обжитой квартиры Илья медленно оттаивал теперь, протекая в себя оттуда, где лишь несколькими минутами ранее, вытянувшись к невидимому и ветреному утреннему небу, стоял ногами на узкой деревянной скамье, которую прежде годами протирали ягодицы школяров Водоходного училища. Виселицу сколотили наспех, без науки, и, когда приговоренные уже поднялись на помост, выяснилось, что перекладина слишком высока и шеи, вишь, никак не достают до назначенных им петель. Искать веревки подлиннее, вязать заново казалось долгим. Послали в училище за скамьей, на которой теперь и стоял он в мешке, скрывавшем тело от головы до пояса.

«Господи, да зачем это!» — вырвалось немое восклицание. Руки, накрепко стянутые ремнями, были прижаты к телу, ноги связаны у лодыжек. Но еще, помнится, оставалась возможность неловко покрутить головой — и тот, чей сон видел Илья, присматриваясь, узнавал сквозь щелочки в мешковине и ноги стоящих рядом на скамейке, слева и справа от него, и лица иных зрителей, реденькими рядами замерших в некотором отдалении. Надо было бы ему обратиться с духом и еще раз на виду просить у них прощения — у тех и у других. Но для этого не было уже ни голоса, ни вида, ни смирения, ни сил. Сколько ни молился, сколько ни храбрился тот человек во сне, а все же страх переполнял его. Особенно резко нахлынуло, когда углядел, как медленно направляется к их помосту здоровенный кат в длинной рубахе и черной жилетке. Хотелось отчего-то потверже запомнить его неприметное, смазанное мужицкое лицо. Но в этот миг он вдруг словно бы провалился куда-то внутрь, и ему осталось вполовину меньше воздуха.

Не спеша пробравшись через освоенное пространство на кухню, Илья зажег наконец свет и тогда-то, наливая в кружку прохладной воды из кувшина, узнал по отражению в оконном стекле, что с левой стороны выросла у него на собственной шее вторая голова.

Придя в себя, Илья вскочил на ноги и бросился в прихожую к зеркалу. Щелкнув выключателем, он принялся рассматривать то, чем теперь стал. Как безумец, ощупывал пальцами чужие волосы, чужую кожу, лоб, нос, уши, колкую щетину под носом и на подбородке. Легонько шлепнул по чужой щеке. Еще раз, чуть сильнее. Взял это в ладони за виски и попытался покрутить. Осторожно коснулся сомкнутых губ и брезгливо отдернулся. Голова тихо, едва заметно дышала вместе с ним, но глаза ее были закрыты, веки не подрагивали и никак не реагировали на прикосновения. И она была, она была, она была — настоящей. Илья чувствовал на себе ее прохладное и живое тепло — невозможное, омерзительное, немислимое! — и не представлял, что дальше с ним делать. Что за кунсткамера, о все черти Иеронима Босха, что за психушка! «Господи, да зачем это! зачем это?!» — мысль колотилась изнутри о череп, как резиновая муха о плафон.

Он вернулся на кухню. Подняв валявшуюся на полу кружку и, быстро вытерев лужу разлитой воды, взял зубочистку и слегка ткнул в чужую щеку — ничего. Сам он ничего не почувствовал, та голова тоже ничем не откликнулась на укол.

Взгляд на мгновение задержался на торчащих из держателя рукоятках кухонных ножей. Илья крепко потер лоб и выключил свет. За окошком едва заметно примерялся к миру рассвет, сумерки разжижали густую краску ночи. Негромко шумел в ледяной глубине своего нутра ворчливый холодильник. Двоящееся дыхание сливалось в темноте с этим глубинным гулом. Ярко светились четыре цифры на микроволновке. Последняя сменилась — раз, и другой, и третий. Время мерно и неуклонно шло вперед — везде, неподалеку, здесь. В полумраке Илья достал из шкафчика початую бутылку коньяка, взял кружку. Потом поставил кружку на стол, резким глубоким глотком отпил прямо из горлышка и пошел обратно в прихожую.

Он стоял перед зеркалом и разглядывал оба своих лица.

— И как, — громко сказал Илья, — посмотреть на меня вообще собираешься?

Он сделал еще два глотка, вытер губы тыльной стороной ладони и, скорчив гримасу, кривляясь, молча протянул бутылку отражению. Двухголовый человек из зеркала протянул ему свою.левой рукой Илья неловко взъерошил волосы на другой голове, потом аккуратно пригладил их. Выпил опять.

— Что, на моей подушке будешь спать теперь, дядя? Не забывай почаще бошку мыть! — Он вдруг то ли закашлялся, то ли расхохотался и долго, долго не мог остановиться, пока его

надрывный смех не превратился нечувствительно в жалкие, болезненные, будто при рвотных спазмах, густо выталкиваемые горлом всхлипы. Два лица его отражения были похожи до неразличимости, словно оба вышли из 3D-принтера, и вместе с тем неуловимо отличались: то ли как портрет и дагерротип, то ли как гипсовый бюст и посмертная маска.

— Римская копия с вымышленного оригинала, — пробормотал себе под нос Илья и тут же потянулся к карману за телефоном — сохранить в заметках.

Лишь спустя мгновение сообразил, что они стоят здесь, в прихожей в одном исподнем. Сделал еще несколько глотков, и еще, уже почти не ощущая крепости своего ночного напитка.

— Пошел ты!.. — разворачиваясь, бросил он через плечо дворовое словцо — не зло, брезгливо. Небрежно, будто сплюнул. Споткнувшись о подвернувшуюся ногу, побрел в спальню, нашарил на тумбочке у изголовья телефон, успел, кажется, записать свою случайную фразу и, как стоял, прямо вместе с телефоном в руке, тяжело рухнул в кровать, в бережно подставленные ему большие и мягкие, как мамины, ладони небытия.

Он проснулся сломанным около десяти часов. Значит, будильник в четверть восьмого рука отключила без его участия. В первые минуты наяву он не решался ни коснуться себя, ни скосить глаза налево. «Пусть все это будет просто глюк. Пустое наваждение, да? Ну правда, пусть?..» — загадывал про себя, нарочно полуприкрыв веки, и думал, что бы ему такого пообещать мирозданию, богу, дхарме, собственному похмелью, если сбудется. Однако все его хрупкие надежды и скоропалительные обеты разбились вдребезги еще даже до взгляда в зеркало, до широко открытых глаз — о горящий в прихожей с ночи свет и о стоящую на тумбе трельяжа пустую коньячную ноль-семь. Это все взаправду, Илья. Всерьез.

«Черт, — пронзила его осиная мысль, — ведь сегодня Маруся прилетает!» Он быстро вернулся в спальню за телефоном. Поспешно сохранил в облаке висевшую с ночи заметку и открыл менеджер задач. Так и есть, сегодня: «16:15 Пулково МБ», — было выделено в списке важного. Илья коснулся своей второй головы, так и не открывшей до сей поры глаз, опустился на пол — и вдруг разрыдался, отчаянно и горько, как обманутое дитя.

«Маруся, прости, я не смогу тебя встретить, — написал он. — Приболел немного». И отправил сообщение тут же, чтобы не дать сомнениям ни единого шанса проскользнуть к сердцу. «Не переживай, ничего серьезного, просто мне надо полежать день-другой», — пусть будет как-то так. «Пока не звони, ладно? Напишу сам, когда станет получше», — отправил вдогонку. Еще написал: «Целую тебя очень, любимая».

И сразу выключил телефон. Потому что теперь ему было по-настоящему страшно.

Теперь он остался один в целом мире, сам по себе, наедине с собственным чудовищным телом. Если только. Да — если только вторая голова не наблюдала за ним из-под по-прежнему сомкнутых век. Тогда они вдвоем. С этим спящим черт-те кем, который теперь ближе близнеца. За фото с эдаким чучелом можно двойную цену у туристов брать — мелькнула глумная мысль. Прежде всего надо было успокоиться. Хотя бы попытаться. Оценить. То, что случилось. Не в сказке, не в кино — наяву. Сложнее всего человеку поверить не в летающие над собственной крышей тарелки, не в мировое правительство и не в то, что у осьминога три сердца и умов палата — побольше, чем у иного хомо сапиенс. Сложнее всего человеку поверить, что какая-то непоправимая дрянь случилась именно с ним.

Ладно, шутить он, кажется, еще мог — хотя и несколько истерически. Предстояло решить, что делать дальше с жизнью. Денег хватит, думал Илья, он накопил большой запас от заказов — года два откладывал на первый взнос за новую квартиру, где можно было бы, наконец, жить им уже вместе с Машей... а там и втроем, и вчетвером. Но теперь, похоже, ипотека ему вряд ли понадобится. И на этот свой энзэ даже без копейки будущих доходов он запросто протянет год, а то и дольше. К тому же без доходов он остаться не должен — работа у него дистанционная, личной встречи заказчики почти никогда не требуют. Продукты, книги, другие покупки — курьером. С бесконтактной доставкой. Платежи — онлайн. Курить он давно бросил. По алкоголю на дом у него имелось сразу несколько серых решений. Единственным, пожалуй, что по-настоящему крепко привязывало его к миру за пределами маленькой квартиры, оставался мусор. Мысли о том, чтобы показать с мешком бытовых отходов в теперешнем своем виде в парадном и во дворе, Илья не допускал. Но и тут, кажется, могла для него найтись лазейка. У председателя надо будет взять телефон дворника и договориться, чтобы тот ежеутренне забирал оставленный у двери на площадке мусор. Разумеется, не безвозмездно. Старика Умара он знал не первый год, раскланивался с ним всякий раз при встрече и надеялся, что дворник не откажет в помощи, особенно если Илья скажется

больным, неходячим... да что-нибудь там можно будет придумать.

Тревожила его, получается, только проблема с Марусей. А, ну да, еще отчим — но о Марке он беспокоился меньше, чем о мусоре. А Маша ведь не станет даже слушать, непременно сразу же вызовет неотложку, поедет с ним в больницу, будет настаивать на операции, ампутации — что там они с врачами придумают. А этого нельзя. Этого нельзя — твердо был уверен Илья, сам не зная, откуда, собственно, у него взялось такое знание. Значит, и Маши — как бы оно ни было тяжело — больше нельзя.

Но это завтра. И все — завтра. Сегодня ему придется привыкать и осваиваться. А уж затем наступит после — постепенно, впрысками, не сразу. Надо будет записать новый выпуск подкаста. И начинать, наконец, следующий фаюм. И еще надо будет найти хозяина сегодняшнего сна, который, покусывая краешки сознания, не давал ему покоя.

5

С собой у Маруси был только рюкзачок ручной клади, поэтому через четверть часа после того, как самолет сел в Пулково, она уже ехала в такси. Из головы исчезли и далекий родительский дом, где она провела последнюю неделю,

и отец с мамой, и брат, и Настёна, и похороны бабушки, и предстоящее в понедельник собеседование — оставалась одна только растущая опухоль тревоги за Илью с его раздражающим исчезновением.

Прежде мужчины не слишком ее беспокоили. Не то чтобы за двадцать пять лет своей жизни Маша вовсе не привлекала их внимания. Однако оно всегда оказывалось эдаким ненавязчивым, пробным, небрежным: «да — да, нет — нет». И всякий раз ей беззаботно удавалось повернуться как-то так, что внимание это легко отскакивало от нее, скользнув лишь по касательной — и улетаю дальше, к новым предметам мужской заинтересованности, ведь, слава богу, Мария Бестужева была не единственной девушкой на свете. Да и не самой привлекательной, пожалуй: высокая, сероглазая, с хрупкими русыми волосами, тонкими губами и простоватыми, но правильными, может быть ангельскими, чертами лица — только вот совсем без женской изюминки, без вишенки улыбки, без ароматной ауры обаяния. Замкнутая, причудливая и очень худая, полупрозрачная какая-то вся на свет. «Я вот даже не знаю, Лиза, кто из вас кого играет: человек персонажа или персонаж человека — а?» — сказал ей Илья вечером в кафе в тот день, когда они познакомились.

Это произошло летом после ее третьего курса. Тогда случились трудности с деньгами, долго

рассказывать, и она попробовала найти подработку на каникулы. Помыкавшись по офисам — кому-то не пришлась по нраву она, кто-то не пришелся ей, — Маша, всегда трепетно любившая театр, подалась в уличные аниматоры.

— На императрицу-то ты ну вообще не тянешь, — покачав головой, задумчиво сказала хозяйка-вербовщица в конторе, ежедневно выпускавшей на питерские площади и проспекты полтора десятка пар венценосных спутников: Петров Великих с Екатеринами (то ли Первыми, то ли Вторыми, тоже Великими, — тут было сразу и не разобрать). — С фактурой, конечно, совсем беда.

— А кем можно? — кротко спросила Маруся.

— Ну кем... — протянула хозяйка. — Не знаю кем. Для барабанщицы соблазнов в тебе маловато. Да это, в общем-то, и не наш профиль. И пары для тебя нет. Не знаю. До завтра подумаю я, в кого нам тебя наряжать. Теперь. Условия такие: половина кармана твоя, половина — в кассу. Ничего не крысить, с этим строго. Реквизитом обеспечиваем, за платье — полторы в неделю, залог — пять. Можешь свое принести, не возбраняется. Пудры-помады свои. За фото берешь пятьсот с человека, если больше двоих — можно со всех тысячу. Как внимание привлечь, тонкости контакта, как со жмотьем себя вести — это завтра тебе девчата расскажут. А дальше все в твоих руках, милая. Приходи к девяти, в половину десятого уже идти на точку. Обед один час, к восьми

вечера выручку в офис. Можно позже, если клиент косяком идет, только позвони предупреди. Контролеры периодически приглядывают, так что в образе особо не хулигань, много не кури, не прохлаждайся. Если заказы на какие-то мероприятия развлекательные — все только через меня, никакой самодеятельности.

— Хорошо, — ответила Маша, — поняла. Я мало курю.

До завтра она все придумала сама. Неожиданно вспомнила, как в позапрошлом году писала доклад для конференции о девических стихах Елизаветы Кульман. Эта девочка из семьи обрусевших немцев жила на Васильевском острове в начале девятнадцатого века, с детства владела одиннадцатью языками и на нескольких из них — немецком, русском, итальянском и французском — писала стихи. Когда падчерице воображения исполнилось тринадцать, ее наставник Карл Гросгейнрих передал тетрадку с Лизиными немецкими, итальянскими и французскими стихами своему приятелю, знакомому с самим Гёте. Через несколько месяцев с письмом от этого приятеля они получили ответ гения: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гёте, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков она ни вздумала писать!» Увы, у ехидной судьбы был собственный умысел в отношении девочки. За неделю до чудовищного петербургского наводнения ноября 1824 года Лиза сильно

простудилась на свадьбе брата. В тот холодный ненастный день после венчания она, небогато и легко одетая, долго дожидалась на паперти церкви кареты, что должна была отвезти ее к молодым. Назавтра она заболела. А неделю спустя ужасы сокрушительной стихии окончательно истерзали чувствительную и впечатлительную натуру девушки. Простуда ее переросла в чахотку, и через год Лиза умерла семнадцати лет и четырех с половиной месяцев от роду. Сочинения ее были изданы стараниями Гросгейнриха лишь восемь лет спустя.

Трагический этот образ вновь показался Маше чудно близким. В нем-то и было решено явиться назавтра пред ясны очи питерских туристов. Русских стихов еще со школы ее память хранила наизусть с избытком — останется для полного вживания выучить несколько собственных русских и немецких стихотворений бедной Лизы плюс перечитать в ближайшие дни в Публичке книги, с которыми Маша работала тогда над своим докладом. Что там было? Статья профессора и цензора Никитенко «Жизнеописание девицы Елисаветы Кульман» в «Библиотеке для чтения» да сочинение того самого наставника-немца Карла Гросгейнриха «Елисавета Кульман и ея стихотворения».

За первый рабочий день с ней сфотографировались лишь дважды. Потом один раз. На третий день — опять дважды. Ни образ ее, ни взволнованные

декламации совершенно не интересовали туристов. Хозяйка по вечерам в офисе усмехалась с легким подозрением, но, видимо, контролер подтверждал, что новенькая не левачит. Екатерины сочувствовали ей, Петры поглядывали скептически. Устало возвращаясь домой к ночи с тощим заработком в кармане, Маруся начинала уже подумывать, что опять занялась не своим делом, что зря теряет время, торча каланчой на Сенатской площади, и что надо бы ей поискать другую работу.

А потом она встретила своего императора.

6

Маша увидела его погожим утром, когда курила в уголке у метро, перед тем как идти на точку. Он шел от выхода с «Адмиралтейской» — одинокий уличный император. В синем военном мундире из ее собственной, Лизиной, эпохи — белые лацканы с золочеными пуговицами, эполеты, белый жилет и кюлоты — красивый, молодой, слегка полноватый, с узнаваемой простой черной двуголкой в руках. Видимо, ухватив на ходу краешком глаза чье-то пристальное внимание, незнакомец и сам повернулся к ней. Скользнула улыбка, он остановился, слегка склонив голову, а затем приблизился к ней.

— Кто вы? Я вас раньше не видел.

Она представилась Елизаветой — уточнив, коротко перехватывая недоуменный взгляд собеседника, что по отчеству она не Петровна, а Борисовна. Император непонимающе развел руками. Тогда она в нескольких словах рассказала ему о своей Елизавете Кульман.

— Когда к вам обращаешься, то голос сам так и рвется прибавить: «Мой государь, император, сир». — Она усмехнулась в конце своего резюме.

— Что ж, это хорошо. — Он тоже улыбнулся. — В нашем бизнесе чем узнаваемей — тем лучше. Я вот поначалу, как подался в аниматоры, раздумывал о Пестеле. Но ведь это всегда представляться, объясняться. Да и кто, знаете ли, захочет фоткаться с повешенным?

Лиза бросила взгляд в сторону переулка.

— Пора идти? — спросил собеседник. — А давайте сегодня вечером поболтаем где-нибудь в кафе? Расскажите мне подробней историю своей героини?

— Вообще-то... — сказала она, но запнулась и чуть поджала тонкие губы, — у Елизаветы Кульман шестеро родных братьев погибли в наполеоновских войнах.

— Наверняка они сражались доблестно и пали героями, да? Увы, война состоит из непредусмотренных событий, как говорил прапрадед вот этого человека. — Он легко пристукнул ладонью по лацкану на груди. — И смерть, как правило, встречается в первых пунктах этого списка.

Мне тоже пора бы уже. Ну что, условимся здесь в девятнадцать часов? Я Илья. Придете?

Да, Марусе хотелось увидеться еще раз с этим странным человеком. Пусть она и не понимала до конца, чего в ее желании больше: того, что ей было лестно, или того, что интересно, — но мысль о нем весь день кружилась в голове крохотной мошкой. Сам тот день, хоть и будний, выдался необычайно и негаданно денежным: она продала Елизавету на двенадцать фотографий. Предупредив Надежду Витальевну, что немного задержится, Маруся была в назначенном месте без десяти семь. Ровно в семь появился Илья.

— А знаете, что писал Белинский о вашей бедной Лизе? — быстро спросил он, когда жители прошлого со своими подносами устроились наконец за столиком — русоволосая барышня из душещипательного романа и напротив нее «маленький капрал» в мундире полковника гвардейских гренадеров.

Маша пожала плечами.

— Вы что, всего Белинского наизусть помните?

— Ха, увольте!.. — Илья расхохотался. — Это моя искалка все на свете знает наизусть, она-то со мной любезно и поделилась.

— И как же он писал?

— Да сурово. Вот подождите. — Уличный император полистал страницы в телефоне. Он помассировал ладонью затылок и шею слева. —

Тяжелый день. Вот здесь: «Бесспорно, Елисавета Кульман была чудным и прекрасным явлением жизни, но нисколько не была поэтом. Сильная способность понимать и чувствовать изящное совсем не одно и то же, что способность творить изящное». И еще, в этой же заметке о ее посмертном сборнике: «Стих ее не только лишен упругости и пластичности, но он груб, шероховат, прозаичен, исполнен натяжек и ошибок против просодии».

— Да ну вас с вашим Белинским! — зло сказала Маша. — Хам какой-то. Семнадцать лет девчонке было. А я вот встану на стороне Кюхельбекера, и Шумана, и Гёте. Гёте! И вообще, на личности переходить в критике — это как-то уж совсем.

— А с комплиментами можно — на личность? — с кротостью спросил Илья.

— С комплиментами можно.

— А с ругательствами, значит, нет?

— Нет!

— Лиза... — Он примирительно поднял обе руки. — Вам идет, когда вы сердитесь. И вы мне нравитесь, а Белинский — не очень. Думаю, примерно в таком же духе он отозвался бы и о сентиментальной повести «Клиссон и Евгения», слышали о ней?

— Нет.

— Она вышла, вы будете смеяться, из-под пера молодого Бонапарта. — Он слегка склонил голову. — Там несколько листков, крохотка.

Сраженья, честь, тоска, любовь, семья! Война-разлучница, беда, измена, гибель! — негромко продекламировал Илья. — И наш строгий критик, не сомневаюсь, растерзал бы и разбил ее без снисхождения. Впрочем, я вас с ним сейчас помирю.

Илья взял со столика телефон и прочел:

— «Тем не менее во всем, что ни писала Елизавета Кульман, отражается такая благородная, прекрасная душа, такое горячее сердце, рожденное не для сует жизни, но бывшее для одного великого и изящного!» Ну и покончим с ним на этом, давайте уже есть.

— А вы давно в этом деле? — спросил Илья, указывая на платье.

— Четыре дня, — сказала Маруся.

— О!.. И как вам лицедействовать?

Она пожаловалась, что вообще-то совершенно не очень. То есть ей самой нравилось всем этим заниматься: дышать свежим воздухом, гулять по площади, читать на публике замечательные стихи, рассказывать любопытствующим о милой прекрасной несчастной девочке из позапрошлого столетия, — только вот отдачи в денежных купюрах от ее занятий не было почти никакой. Ну разве что сегодня. («Судьба благословила день нашей встречи во всем», — улыбнувшись, вставил реплику Илья.) Мало кому это интересно, похоже. Да вообще почти никому. Всем подавай императоров с императрицами.

Илья задумчиво взглянул в окошко, за которым двигались по линиям собственных жизней миллионы прохожих людей.

— Вы хотите продать им то, что нравится вам, — сказал он. — А надо продавать то, что нравится им. Знакомое всегда покупают охотнее. Вот смотрите, чтобы увлечь постороннего человека вашей барышней, нужно для него чуть ли не целую лекцию прочитать: кто, что. Академический час. И потом следующему. И опять. Кого это заинтересует: вы, я, ну еще полторы калеки. А рядом другая девушка пройдет в мундире лейб-гусарки, мини-юбке и сапожках — тут не только туристы, тут и местные слетаются, как шмели на аленький цветочек. Китч? Ясное дело! Но ведь копейка капает. И ничего, главное, никому объяснять не надо: там что ментик, что доломан... юбочка да шнуры золотые — все, что имеет значение.

— Предлагаете мне мини надеть? — осторожно спросила Маруся. Слушая Илью, она внимательно разглядывала его, сейчас это было удобно, ненавязчиво — просто интерес, внимание к собеседнику. И думала, что он и вправду очень похож: короткие темно-русые волосы, прямой нос, глаза светлые, серые, на свету даже ближе к голубым, бледная кожа, округлое, но не плывущее лицо с волевым подбородком.

— Физически — нет, — ответил Илья. — А вот символически, может быть, да. Только это будет мини-юбка для духа, а не для плоти. Вы где работаете?

— На Сенатской.

Илья хмыкнул:

— Там место или Петрам, или лошадям, как мне видится. В крайнем случае графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу — да и то непременно с бейджиком. А вы переходите-ка лучше на Дворцовую.

— Почему?

— Ваше место у Александровской колонны. Взгляните наверх. — Он изобразил пальцами в воздухе кавычки. — Видите на вершине столпа святого ангела? А перед вами та самая девушка, чей образ стал прототипом этого изваяния. Меня звали Лизой, история моя известна очень немногим. И далее о себе.

— Но... — протянула она задумчиво, — это ведь даже не легенда и не гипотеза. Это просто ошибка, я специально разбиралась. В самом деле, есть такая версия, что у одного из ангелов города — якобы ее образ... Вот только это вовсе не ангел с колонны, а один из дюжин ангелов Исаакия. Даже не из тех, знаменитых, что стоят на балюстраде, а из тех, которые внутри — в барабане главного купола!..

— Да?.. Ну и пусть. Только никому, кроме меня, не говорите. Много чего хорошего на свете появилось из-за ошибки. Нам-то важно, что это — прекрасная ошибка. Таинственная. Яркая и соблазнительная. Можно будет добавить к ней еще несколько легенд навроде того, что большевики неоднократно собирались снять фигуру

ангела с колонны — вполне ожидаемо, не правда ли? — и заменить ее то рабочим, то Лениным, то Сталиным. Но всякий раз затея срывалась, потому что... тут вам останется только придумать почему. А в блокаду... — ну и так далее.

Она засмеялась:

— То есть вы так запросто за полчаса хотите меня во врунишку перевоспитать? Годы семь, и детского сада, и школы вымарать?

— А что, я вот смотрю сейчас на вас, — отсмеявшись наконец, произнес Илья (как хорошо он смеется, коснулась ее висков мысль: распахнуто, красиво, искренне), — и даже не знаю, Лиза, кто из вас кого играет: человек персонажа или персонаж человека, а? Простите мне, что я сижу перед вами такой весь из себя как будто коуч, ментор, эксперт и как там оно еще называется... Но ведь в самом деле, реальность — это только материал. Воображение правит миром, как говорил наш Наполеон. Кстати, рассказать вам, как я стал Бонапартом?

— Звучит захватывающе. Конечно, есть в этом легкая полоуминка... — С деланной серьезностью она коснулась виска кончиками пальцев. А потом рассмеялась. — Вы умеете производить впечатление. Да, расскажите, интересно!

— В коротких словах история такая, — начал он. — У нас в семье детей всегда рожали поздно. Моя мать появилась на свет, когда деду, ее отцу, было пятьдесят два, сам он родился в тысяча девятисотом. Кстати, дед мой русский,

но во время войны — причуда судьбы — служил в полку «Нормандия — Неман» авиатехником. Я его не застал на свете, к сожалению. А прадеду, когда родился дед, — тому было вообще шестьдесят пять с хвостиком. И столько же прапрадеду, когда он обзавелся, наконец, последним сыном — моим прадедом. Я вас еще не запутал окончательно со всеми своими «пра»?

— Нет. — Она покачала головой. — Это удивительно и очень странно.

— Так вот, у матери в семейном архиве хранился дагерротип прапрадеда, ему там под девяносто, если даже не за, давно на пенсии, так сказать. Сидит такой глубокий старичок, спина прямая, выправка военная, но сам он в партикулярном платье, опирается на трость. Это уже при Александре Втором. Думаю, к тому времени из всех немногих, кому были известны обстоятельства его появления в нашем Отечестве, в живых никого и не осталось. А обстоятельства эти таковы: прапрадед был тайно вывезен в Россию с острова Святой Елены, наречен на остаток лет Иваном Федоровичем Благодостным и препровожден для проживания в Томскую губернию. Где, кстати, по семейной легенде, он не раз впоследствии встречался со святым праведным старцем Федором Кузьмичом. Тоже, можно сказать, на пенсии. Вот такая семейная сага.

— И это все правда?

— Разумеется, правда, Лиза. — Он кивнул. — Ведь у нее есть живой свидетель. А у него есть

кусочек старого картона с фотопортретом. Позвольте, я за вас заплачу?

— Спасибо, Илья, да, — сказала она. — Мне тоже пора. И я не Лиза, а Мария.

7

В приложении появился значок, что заказ доставлен. Илья и сам уже слышал топот спешившего курьера в парадном и на площадке. Дождавшись, пока опять стукнет внизу входная дверь, он осторожно выглянул из квартиры, изогнул щупальцем руку и проворно схватил пакет с продуктами. Значит, теперь вся его жизнь должна будет стать такой, как эта доставка — бесконтактной. Он сидел на полу в прихожей и за неимением другого смысла замедленно ковырялся в пакете, изучая сроки годности. Рядом валялся старый телефон, извлеченный из недр комода, где хранился годами неизвестно с какой целью, а теперь вот оказалось — именно что на черный день. Чтобы номер не пропал, Илья раз в месяц звонил с него самому себе, ждал одиннадцать секунд тишины, а потом снова выключал телефон. Номера этого не знал никто в мире. Впрочем, аппарат все равно стоял на беззвучном.

В доставленном пакете каким-то чудом нашлась бутылка кальвадоса «Шато дё л'Юбли». Илья не помнил, чтобы заказывал его. Может,

какая накладка или тот, из второй головы, втихую добавил к заказу? Но сейчас ноль-семь забвения оказались как нельзя кстати.

С мысленной стороны, из глубин янтарного «л'Юбли», Илья брезгливо разглядывал двуглавое чудо-юдо, нелепого уродца, сидящего на дне полупрозрачного контейнера, герметично закрытого сверху крышкой потолка. Уродец оказался весь словно бы измят и погнут — и занимал совсем немного места. Несчастный, в этой маленькой пластиковой банке ему предстояло теперь провести остаток своих дней. Единственное отверстие вентиляции было проколото в интернет. Помедлив несколько глотков и решив, что любая ерунда всяко лучше отчаяния, он вошел как Proteus и на скорую руку пробежался по новым сообщениям в своих темах на форуме. Их оказалось всего ничего — и ничего между ними такого, что вовлекло бы его в разговор. Завалилось одно личное от Данилыча. Тот писал, что не может дозвониться и достучаться до него по телефону, и спрашивал, нет ли каких-то новостей по тому самому вопросу. Что это был за вопрос и что именно он обещал другу, Илья сейчас, признаться, вообще не помнил.

А вот на почте среди многочисленного спама неожиданно обнаружился новый заказ. Вернее сказать, пока не вполне заказ, пока только интерес — но все-таки. Письмо пришло сегодня глубокой ночью, около трех часов. Некая Арина